

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна

**ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ НА ГРАНИ XX-XXI В.В.**

Специальность 22.00.06 – Социология культуры и духовной жизни

А в т о р е ф е р а т
Диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва 2005

Работа выполнена в Центре исследования социальных трансформации Института социологии Российской Академии наук

Научный консультант:

Доктор философский наук, профессор **Ядов В.А.**

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор **Кон И.С.**

доктор социологических наук, профессор **Ярская-Смирнова Е.Р.**

доктор социологических наук, профессор **Петрова Т.Э.**

Ведущая организация:

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, кафедра социологии и социальной работы

Защита диссертации состоится «__» _____ 2005 г.

в «__» часов на заседании Диссертационного совета Д 002. 011. 01. по социологическим наукам в Институте социологии РАН по адресу: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп.5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 2005 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор социологических наук
В.В. Семенова

Социальная проблема и ее актуальность

Современное российское общество на протяжении последних 20 лет находится в состоянии перехода, системной и структурной трансформации, изменения пространства социальной нормативности. Эти перемены отражаются на всех слоях общества. В самой сложной ситуации оказываются наиболее незащищенные группы населения, лишенные стабильного статуса и соответствующих ресурсов, нормативной и корпоративной поддержки. К малозащищенным группам следует отнести и часть российской молодежи.

Адекватное понимание современного состояния молодежной проблемы исключительно важно для прогнозов будущего всего российского общества¹.

Исходные теоретико-методологические предпосылки. Характер включения различных групп молодежи в общество отличается значимыми особенностями, которые не могут быть адекватно рассмотрены вне анализа различий повседневных социальных условий взросления. Новые типы расслоения и дифференциации российского общества актуализируют социальный заказ на систематизацию и *переосмысление* теоретических и методологических подходов относительно различных интерпретаций положения молодежи в современном мире, прежде всего - в российском обществе. Социологический анализ отечественных и западных теоретико-методологических подходов к молодежному вопросу помогает преодолеть, на наш взгляд, упрощенное его понимание и сформировать достаточно целостное представление о многообразии молодежных самоидентификаций и культурных практик в современной России.

Этот анализ базируется на следующих предпосылках:

1). *Необоснованность паники относительно «падения нравственности», распущенности всей молодежи.*

У каждого взрослого поколения на протяжении второй половины XX века молодежь вызвала противоречивые чувства: позитивные ассоциации со всем новым в любой культуре, с надеждой на лучшее будущее и негативные, возбуждаемые опасениями и «страшными диагнозами современности». Такое отношение поддерживается циркулирующими в обществе мнениями о молодежи, которые можно характеризовать как панику относительно падения нравственности и т. п. (будем называть это моральными паниками). Непонимание специфики современной молодежи ведет к пессимистическим выводам о патогенности нового поколения, культурные практики которого угрожают стабильному и поступательному развитию «зрелого» общества. «Вина» молодежи заключается в ее возрасте и соответствующей «неуправляемой агрессивной энергии», которые усиливаются приписываемым ей маргинальным статусом в трансформирующемся

¹ Автор выражает искреннюю признательность научному консультанту, профессору Владимиру Александровичу Ядову за помощь в подготовке диссертационного исследования, а также профессору Хилари Пилкингтон, с которой связывают десять лет совместной исследовательской работы.

обществе. Отметим, что такой подход к молодежному вопросу, характерный для здравого смысла, воспроизводится, в основных чертах, и во многих научных публикациях.

2). Размывание границ между структурными «ячейками» в пространстве и времени.

Российская молодежь, как и все россияне, переживает период затянувшегося общественного перехода к рыночной экономике, большей свободе самовыражения и личной инициативе, конкурентности и т.д. Поиск базовых показателей социальных характеристик «молодежного статуса» - предмет более чем тридцатилетних дискуссий в социологии молодежи, в настоящее время предельно актуализируется. Современные российские социальные институты, в которые молодежь интегрируется по мере взросления, подвергаются постоянному реформированию. Легитимные практики дополняются и вытесняются теневыми, социально одобряемые и официально поддерживаемые переходы от одной позиции к другой становятся ненадежными. Это проявляется, в частности, в том, что современные молодые люди не видят работу и учебу, связанными единой нитью, они конструируют свое представление о независимости от жестких социальных предписаний. Это могут быть самые разные сочетания: от ухода из родительского дома и возврата в него, стационарного обучения и дополнительной занятости на рынке труда, частичной занятости и частичной учебы вплоть до стационарного обучения и постоянной работы. Институты высшего и средне-специального (в меньшей степени) образования становятся основными «место - временными» позициями молодежи, теряя при этом исключительную направленность на профессионализацию и последующую работу по специальности, делаясь своего рода социальной нишей, в которой могут совмещаться ранее разделенные во времени и пространстве виды занятости. Следует учесть, что жизненные стратегии молодежи подвержены влиянию миросистемных тенденций, молодежные идентичности начинают формироваться в новых типах социальных пространств, не столь однозначно зависимых от привычных структур: социального статуса, социального положения, разделения предписываемых обществом социальных ролей женщин и мужчин, этничности, территориальной привязанности и др.

3). Переосмысление проблемы «отцов и детей».

Процесс взросления молодежи усложняется и фрагментируется. «Взрослость» уже не может рассматриваться в качестве конечного пункта успешной социализации, приобретения стабильного статуса и завершения «молодости». По мнению ряда ученых, природа взрослости в современном мире не менее проблематична. Молодость при расширении доступа к информационным источникам становится важным ресурсом и явным преимуществом. Следовательно, переосмысление устоявшихся подходов к анализу «молодежного вопроса» полезно не только для социологии молодежи, но и для понимания новых взаимоотношений между поколениями отцов и детей.

4). Эксплуатация молодежных стилей как общая тенденция современного общества.

Значимость молодежного вопроса связана также с проблемой соотношения традиционного и современного общества. (Fornas, 1995). В дискуссиях о модернизме в конце XIX века одно из центральных мест занимала проблема поколений. Исторически «изобретение» подростковой, как отличительной ступени жизненного цикла, было частью концепции, связанной с прогрессом и современностью. В рамках этого подхода на молодежь возлагается особая миссия - быть «знаком времени». Молодежный вопрос в течение всего столетия служил барометром «здоровья нации», «будущего расы», «благополучия семьи или государства» и в целом - «цивилизации». В конце XX века отношения между молодежью и «постмодерным» обществом изменились, что нашло отражение в критическом осмыслении идей классического марксизма и немарксистской социологии, включая ассоциации молодости с возрастом. Не только в западных обществах, но и в России общий страх старения, усиленный индустрией рекламы, стимулирует поиски «внутренней» молодости, стремление идти «в ногу со временем» у всех возрастных групп. Начинаются интервенции взрослых в молодежную культуру, разрушающие ее, как уникальный феномен, способствующие тиражированию и вторичному использованию произведенных ею форм. В результате «экзотические» формы молодежной маргинальности превращаются в жизненные стили старших поколений. Расширяющийся рынок «молодежности» преодолевает культурные различия, этническое многообразие и становится источником коммерческой прибыли².

5). *Обретение молодежью преимуществ в овладении современными информационными технологиями и стилями жизни.*

Распространение молодости в детство и взрослость, поддерживаемое культурной индустрией, имеет позитивное значение для молодежи, занимающей привилегированные позиции. Для ряда молодежных групп - сельской, безработной молодежи, выходцев из малоимущих семей - преимущества нового времени не очевидны. Стилистические ресурсы, с помощью которых можно выйти за рамки предписанного статуса, доступны далеко не всем. Для большинства российской молодежи преодоление классовых и структурных неравенств сопровождается столкновением с барьерами, порожденными новыми типами неравенств, в том числе связанными с овладением современными информационными технологиями и стилями жизни.

6). *Продуцирование молодежью многообразия потребительских стилей и практик.* В мире глобально-локальных культурных потоков изменяются не только возрастные границы молодежных групп, но и их символические координаты. Молодость становится характеристикой особенных потребительских стилей, формирующихся вокруг культа молодости, сохранения внешней привлекательности, продленного образования, экспериментирования с разными типами занятости, переносов досуговых практик в рабочее время, развития нетрадиционного сексуального партнерства и т.д.

Наряду с анализом соответствующей литературы мы опираемся на

² Ph.Cohen, 1999a.

многочисленные исследования коллектива НИЦ «Регион», который на протяжении 10 лет занимается изучением различных сторон российских молодежных практик.

Практическая значимость работы

Изучение и систематизация описанных выше сдвигов в реалиях её повседневных практик позволяет использовать данную работу в социальном прогнозировании и корректировании учебных курсов по предмету «социология молодежи».

Степень разработанности проблемы

В отечественной и западной социологии молодежи накоплен богатый теоретический потенциал. Однако новые феномены российских молодежных практик еще не стали предметом серьезных теоретических и методологических дискуссий. В большинстве работ, относящихся к господствующим в научном сообществе парадигмам, преобладает интенция паники по поводу проявлений «неуправляемой» молодежной активности. С одной стороны, проявляется особый интерес и озабоченность растущими экстремистскими проявлениями молодежной активности, с другой – беспокойство относительно отсутствия самостоятельных гражданских инициатив и низкого уровня социальной идентификации. Одна из центральных причин подобной ситуации заключается в недостаточном развитии более широкого и критического взгляда собственно на современную молодежь и, прежде всего, недостаточном внимании к разнообразию молодежных практик.

В западной социологии пионерами изучения субкультурных, делинквентных проявлений молодежной активности принято считать представителей Чикагской школы, которые еще в 20-х годах прошлого столетия применили методы городской этнографии к исследованию особых типов городских молодежных сообществ (В.Ф. Уайт, А. Кoen, Г. Беккер и др.). Важная роль в становлении субдисциплины социологии молодежи принадлежит Т. Парсонсу: он ввел термин «молодежная культура». Разработанные Парсонсом идеи функциональной значимости пространства молодежных культур для подготовки к усвоению ролей взрослого общества остаются базовыми в интерпретации перехода от детства к зрелости. Однако столь широкая концептуальная основа социологии молодежи имела и негативные последствия. На протяжении долгого времени основной мишенью критики были социобиологические и исторические истолкования молодежного вопроса. В рамках этих теорий молодежь унифицировалась по признаку неуправляемой природной энергии (теории пубертата Г.Ст. Холла и подросткового кризиса идентичности Э. Эриксона), принадлежности к единому поколению (К. Маннгейм), потребительским девиациям (М. Абрамс) и др. Заметный вклад в формирование адекватной текущим социальным процессам социологии молодежи внесли работы сотрудников Центра Современных Культурных исследований Бирмингемского университета в 70-80-ые годы, посвященные разработке субкультурных концепций, опирающиеся на марксистскую классовую теорию (Л. Альтюссер, А. Грамши), идеи ритуального сопротивления (С. Холл и Т. Джефферсон), концепции критической криминологии и теории ярлыков (С. Коен), идеи субкультурной стилизации, как способа групповых идентификаций (М. Брейк), а также семиологии (Д. Хебдидж). Позднее ими же была развита основная критическая линия, направленная против игнорирования гендера в субкультурных конструктах (А. МакРобби, К. Гриффин), этно и евроцентризма. Сильное влияние на переосмысление концептуальных оснований молодежного вопроса оказали работы У. Бека и Э. Гидденса, а также целой плеяды таких теоретиков, как А. Беннет, С. Редхэд, М. Физерстоун и ученых, разрабатывающих идеи глобально-локальных интерпретаций современных молодежных практик (Х. Пилкингтон, Дж. Томлинсон, С. Торнтон).

Начало отечественным исследованиям в области собственно социологии молодежи было положено в 60-х годах (И.М. Ильинский, А.И. Ковалева, В.Т. Лисовский, В.А. Луков, В.А. Родионов, Б.А. Ручкин В.И. Чупров и др.)

Особое значение имеют работы конца 80-х середины 90-х годов, связанные с возрастанием общественной активности и формированием новых типов молодежных солидарностей, прежде всего, неформальных молодежных объединений. В это время выходит целая серия работ сотрудников ИСИ РАН и Института молодежи. (А.Б. Гофман, А. Кабатека, Ю. Качанов, В.С. Магун, С. Митрохин, В. Писарева, В. Семенова, М. Топалов, В.А. Ядов и др.).

Современный период характеризуется определенным угасанием интереса к этой тематике, в центре внимания исследователей оказываются, с одной стороны, отдельные, прежде всего, субкультурные (эпатажные) проявления молодежных групповых идентичностей (Т. Исламшина, С. Левикова, А. Салагаев), с другой - общетеоретические размышления о месте российской молодежи в трансформирующемся обществе и путях ее интеграции в социальные институты (А. Запесоцкий, Ю. Зубок, В. Чупров и др.).

Научная проблема. Фрагментарный характер исследований в отечественной социологии молодежи, разрыв между структурно-функционалистским и социокультурным подходами к молодежной проблематике, отсутствие междисциплинарного диалога ведут к тому, что теории вступают в противоречие с реалиями нынешних изменений в жизни молодежи.

Позиция диссертанта состоит в том, что в настоящее время в отечественной социологии не сформированы адекватные теоретико-методологические подходы для анализа измененного характера молодежных практик и идентичностей.

Цель исследования: разработка с использованием собственных эмпирических данных теоретико-методологических основ социологического подхода к молодежной проблематике, адекватного новым молодежным субъективностям и практикам молодежи в современной России.

Для её достижения необходимо решить следующие **задачи**:

1). Проанализировать различия *интерпретаций используемых понятий*, прежде всего - «молодежь», «молодежная культура и субкультура», «юсизм», «культурная нормализация», «жизненно-стилевые стратегии» и др.

2). Рассмотреть основные подходы к молодежной проблематике в отечественной и западной социологической, социокультурной и политико-идеологической литературе. В этом анализе следует понять, какие из объективных и субъективных социальных факторов оказывали наибольшее влияние на формирование и переосмысление понятия «молодежь», в какие исторические моменты различные теоретические ориентации были наиболее влиятельны и почему.

3). Проанализировать теоретические подходы к проблеме в СССР, постсоветской России и на Западе, различия и совпадения в них. Так, например, западная молодежная мятежность породила массовые моральные паники среди населения и классические теории молодежных субкультур и контркультур, а молодежный радикализм в СССР, особенно в годы первых пятилеток, эффективно

использовался для включения молодежи в строительство нового общества. Отечественное наследие «молодежного вопроса» уникально и интересно не только для российской, но и мировой социологии, ибо молодежный вопрос на Западе изначально конструировался в духе «страха» и паники «собственников и законопослушных граждан западных городов из белого, среднего класса» перед растущей угрозой «бунтующего пробуждения сексуального пубертата» (К. Гриффин 2000). Молодежь, по мнению французской исследовательницы Н. де Мопей-Аббуд, «... никогда не рассматривалась как деятель, как инициатор при известных обстоятельствах культурных изменений или социальных движений, определяющих будущее ее общества...» (N. De Maureau-Abboud 1966). Тем интереснее и многозначнее становится сегодняшнее «соединение» доминирующих отечественных подходов к проблеме - с западными. Сравнительный анализ этих подходов поможет избежать поверхностного взгляда на богатое отечественное наследие, выявить конструктивные и полезные методологические идеи, преодолеть юсистские тенденции³ как отечественного, так и западного опыта.

4). Рассмотреть основные составляющие понятия «молодежная идентичность». Переосмысление «молодежного вопроса» тесно связано в нашей работе с понятием молодежной *идентичности*. Важно понять, с какими социальными изменениями связаны стержневые особенности молодежных идентичностей. Этот анализ будет использован для разработки основ авторского подхода к исследованию жизненно-стилевых стратегий современной российской молодежи.

5). Предложить авторский подход к анализу и интерпретациям феноменов современной жизни российской молодежи, исходя из идеи становления новых культурных молодежных норм, которые мы фиксируем по данным многочисленных исследований НИЦ «Регион».

Объект и предмет исследования. В качестве аналитического объекта исследования выступают структурные и культурные позиции молодежи в исторической перспективе и в наше время, в подходах к этой проблематике в отечественных и западных теориях молодежи XX века и в эмпирических исследованиях.

Предмет - социологические и социокультурные описания и материалы социологических исследований, *конструирующие различные типы «молодежного вопроса»*, базовых молодежных идентичностей, молодежных культур и субкультур, типов молодежных солидарностей, опирающихся на структурные интерпретации (класс, статус, гендер, этничность, территория) и/или культурные (стиль жизни, различные культурные практики, глобально-локальные позиции, сексуально-гендерные идентичности).

Методологические основы и источники. Теоретический анализ задается парадигмальными рамками социального конструирования реальности (П. Бергер., Т. Лукман), структуральным подходом Э. Гидденса, постструктурной методологией М. Фуко, а также концепцией К. Маркса, развитой в деятельностно-

³ Мы вводим понятие «юсизм», смысл, которого - представление молодежи в качестве единой и гомогенной группы, легко определяемой по внешним признакам и «особенностям» поведения, что служит основанием для ее скрытой или явной дискриминации.

активистских теориях и теориях поздней современности.

Методологически мы опираемся на интеграционные социологические концепции - теории интеграции действия и структуры (определяемого М. Арчер в качестве «основного вопроса современной социальной теории»), которые позволяют преодолеть разногласия между действующими субъектами (индивидами, сообществами) и структурными/культурными социальными (коллективными) образованиями.

Соответственно используется междисциплинарный подход, который включает не только социологическое, но и социокультурное, психологическое и социально-политическое теоретическое осмысление «молодежного вопроса».

В диссертации мы постараемся рассмотреть:

- возможности и ограничения структурного функционализма о социализации молодежи, функциях молодежной культуры (Т. Парсонс);
- маргинализация молодежных позиций (Р. Мертон);
- базовые понятия психобиологических концепций: «пубертатность» и «подростковость» (Г.Ст. Холл);
- конструкторы «поколений» (К. Маннейм) и «групп сверстников» (Ш. Эйзентштадт);
- подходы Чикагской школы городской этнографии (А. Коен, Э. Сазерленд, Г. Беккер, Ф. Трэшер, У. Уайт);
- радикально криминологические расшифровки интеракционистских концепций «молодежной девиантности и делинквентности» (С. Коен, Д. Матза);
- феминистская критика маскулинизации молодежной культуры и девиантности (А. МакРобби, К. Гриффин);
- неомарксистские идеи культурного доминирования и гегемонии А. Грамши и основные субкультурные теоретизирования Центра Современных Культурных исследований Бирмингемского Университета (С. Холл, Т. Джеферсон, П. Уиллис, Ф. Трашер, В. Уайт, П. Виллис, М. Брейк, Ф. Коен, А. МакРобби, К. Гриффин и др);
- концепции подросткового потребительства и «тинэйджерства» (М. Абрамс);
- концепции культурного воспроизводства и социально-идеологического конструирования «молодежного вопроса» (Ф. Коен);
- психоаналитические идеи (З. и А. Фрейд), концепции подросткового кризиса идентичности (Э. Эриксон), фрейд-марксистского построения сексуальной либерализации и освобождения (В. Райх);
- теория сексуальной революции (Г. Маркузе);
- теории молодежных транзаций (С. Фрис), изменений в механизмах социализации швейцарских социологов (П. Арнольд, М. Бассан, Б. Креттаз, Ж. Келлерхальс);
- концепции общества риска, индивидуализации и рефлексивности (У. Бека и Э. Гидденса) и опирающиеся на их методологию постсубкультурные и постмодернистские конструкторы молодежи (А. Беннет, Х. Пилкингтон, С. Торнтон, С. Майлс);
- междисциплинарные подходы к исследованию глобально-локальных молодежных идентичностей (Дж. Форнас, Г. Болин);
- идеи гибкой и подвижной идентичности и фрагментарности субъекта (П. Бурдьё);

- формирование властных дискурсов (М.Фуко);
- жизненно-стилевые идентичности, разрушение коллективности и формирование племенного сознания в подвижных, текучих микрогруппах (М. Мафессоли);
- формирование периферийных идентичностей молодежи в пространстве глобального рынка (Х. Пилкингтон).

Анализ *отечественных публикаций* основывается на идеях В.И. Ленина об исторической миссии молодого поколения, партийных и комсомольских документах, регламентирующих практическое участие советской молодежи в коммунистическом строительстве, идеях специфики юношеского возраста (И.С. Кона), особенностях социализации советской молодежи (И.М Ильинский, В.Т. Лисовский В.Н. Чупров), путях поколений советской молодежи (Э. Саар, М.Х. Титма), молодежных правонарушений сквозь призму делинквентных сообществ (А.Л. Салагаев), антропологию российских молодежных субкультур (Т.Б. Щепанская), стиливых характеристиках российского студенчества и образовательных статусов молодежи (Д.Л. Константиновский, Т.Э. Петрова). В качестве общеметодологических подходов к нашей проблеме использовались идеи, предложенные в работах Ю.Н. Давыдова, С.А. Иконниковой, Л.Г. Ионина, А.И. Ковалевой, И.С. Кона, В.Т. Лисовского, В.А. Лукова, В.А. Мансурова, Е. Мещеркиной, В. Семеновой, В.А. Ядова и др.

Эмпирическую базу исследования составили материалы, полученные НИЦ «Регион» в течение 10 лет под руководством и при непосредственном участии автора.

Положения, выносимые на защиту

- 1). *Использование понятия «молодежный вопрос» подчеркивает важность субъектного начала.* Молодежный вопрос не замыкается в рамках социологического анализа, поскольку в его обсуждении и конструировании участвуют разные социальные субъекты - ученые, государственные и политические деятели, культуроведы, социальные работники и сами молодые юноши и девушки. Молодежный вопрос опирается на открытый диалог, что помогает преодолению объектно-ресурсного отношения к молодежи, характерного для XX века.
- 2). *Доказывается необоснованность отечественных и западных подходов к молодежной проблематике, опирающихся в той или иной степени на представления о молодежи, как единой социальной группе.*
3. В диссертации рассмотрено *в каких социально-экономических условиях и под влиянием каких социально значимых событий формировались те или иные подходы к нашему предмету.* Этот анализ проясняет причины живучести «молодежной проблемы», ее социально-психологические причины и политико-идеологические цели.
4. Понятие «культурной нормализации» молодежи, которое мы используем, базируется на понимании «молодежного вопроса» в идеологически и морально нейтральном смысле. Культурная нормализация основывается на утверждении многообразия молодежных субъектностей, фиксированных в наших

исследованиях.

Научная новизна исследования заключается в том, что переосмысливается проблематика молодежи путем преодоления «объектного» подхода к анализу «молодежной проблемы» и формулируются принципы ее «культурной нормализации», которые опираются на исследования современных реалий: молодежь есть полноправный социальный субъект⁴. Предложены теоретические основы нового подхода к анализу разнообразных феноменов современных молодежных повседневных практик с точки зрения различий в их жизненно-стилевых стратегиях. Последние рассматриваются в качестве стержневой направленности личности и групп, определяющей значимые «императивы бытия» и конституирующие целостную основу жизненных выборов и решений, новый тип социальных и культурных ресурсов.

Апробация исследования

Основные положения диссертации были изложены на международных (более 35), российских (более 40), региональных конференциях и научных семинарах, а также 12 летних школах (6 из них проходили на базе НИЦ «Регион» под руководством автора).

Содержание диссертационной работы нашло отражение в публикациях автора, индивидуальных и коллективных монографиях и сборниках под его редакцией, в том числе на английском языке, в статьях российской детской энциклопедии и американской юношеской энциклопедии (в соавторстве), в докладе на теоретическом семинаре Института социологии РАН.

Опубликованы 4 спецкурса для социологов и культурологов: «Молодежные культуры и субкультуры», «Гендерные аспекты современных молодежных идентичностей», «Молодежь России в условиях трансформации», «Молодежь и гражданское общество». Курсы читаются в Ульяновском госуниверситете, Центре социологии культуры Казанского госуниверситета, Центре социологического образования ИС РАН. Ряд практических рекомендаций используются управлением по труду и управлением по образованию Ульяновской области. Материалы серии исследований по молодежной наркотизации (под редакцией автора) изданы в издательстве «Просвещение» и рекомендованы в качестве пособия для проведения антинаркотической политики среди школьников. Результаты наших исследований используются в работе созданной при центре «Регион» сети молодых исследователей молодежи, объединяющее более 40 человек из Ульяновска, Казани, Самары, Саратова, Нижнего Новгорода, Сыктывкара, Ижевска, Москвы, Санкт-Петербурга и др. Большинство опубликованных текстов доступны в Интернет (www.region.ulsu.ru).

⁴ Сама идея рассмотрения молодежи в качестве полноценного социального субъекта не нова. Например, в отечественной литературе она впервые была четко сформулирована И.С. Коном. Но должны были появиться, и быть изучены фактуальные свидетельства этого утверждения, каковых в советское время не было.

Содержание диссертации

Работа состоит из двух частей и четырех глав с приложениями.

Первая часть «Теоретико-методологические проблемы и подходы к исследованию молодежи нашего времени» посвящена историко-теоретическому анализу основных этапов конструирования молодежного вопроса в отечественной и западной академической литературе, а также политическим и идеологическим факторам, повлиявшим на его переосмысление.

В **первой главе** - *История молодежного вопроса и развития научных подходов к проблеме в отечественной социологии* - рассматриваются наиболее значимые подходы к определению молодежной политики и молодежной проблематики в советское и постсоветское время. Молодежная политика в СССР - один из самых удачных и эффективных экспериментов формирования теоретико-идеологического конструкта «советской молодежи» как субъекта социальных преобразований и его практического применения.

Анализируются базовые понятия ленинского (большевистского) представления о месте и роли молодежи в новом обществе. Особое внимание уделяется специфике использования идей структурного функционализма о позитивной направленности процессов адаптации молодежи к социальным институтам в таких политических образах, как: «молодежь - жертва капиталистического наследия», «молодежь - строители коммунизма», «молодежь как жертва западного влияния» и «молодежь как жертвы застойного периода». В этом же смысле рассматриваются западные концепции девиантности молодежи в категориях «жертва / виновник».

Основные теоретико-идеологические подходы к молодежи соотносятся с самой историей молодежного движения в СССР, отмечаются принципиальные вехи политических конструктов, анализируется их природа и смыслы. Обращается внимание на то, что большевистский подход отличался не только стремлением к использованию культурно-энергетического капитала молодежи, ее физического и духовного потенциала, но и утверждением значимости молодежной субъектности, коллективной энергии, демонстрацией молодежи в качестве «надежды всего прогрессивного человечества». Заинтересованное отношение к молодежному вопросу прямо выражалось в политике мобилизации молодежи, поддерживалось системой образования и воспитания, развитой инфраструктурой и богатыми ресурсами.

Далее рассматриваются этапы формирования собственно научных понятий, связанных с институционализацией социологии молодежи. Часть из них диктовалась идеологическими установками. Краткий период хрущевской оттепели, проведение ряда серьезных и глубоких исследований молодежного мира, перевод ряда работ западных авторов и серии критических публикаций, сменился господством официального «мейнстрима», внутри которого молодежный вопрос был модифицирован, отражая политические «страхи» застойного периода и идеологической борьбы «за молодежь и ее нравственность». Предперестроечные теоретические конструкты представляли молодежь как возрастную группу в «единой общности - советского народа». Язык того периода отличали наукообразие, высокий уровень абстракции, объектный подход к молодежи как

экономическому, культурному и идеологическому ресурсу поступательного развития советского общества.

Первый раздел этой части главы опирается на работы В.И. Ленина, постановления и резолюции партийных, комсомольских съездов и конференций, тексты выступлений Л. Троцкого, И.В. Сталина, А.М. Горького, А. Жданова, второй раздел – на выступления Н.С Хрущева, Л.И. Брежнева, а также на аналитический обзор истории развития отечественной социологии молодежи, отраженный в современных публикациях (И.М. Ильинский, А.И. Ковалева, В.Т. Лисовский, В.А. Луков, Т.Э. Петрова, В.А. Родионов, Б.А. Ручкин, В.И. Чупров и др.).

Третий раздел посвящен рассмотрению подходов к исследованию и концептуализации молодежи в последние 20 лет отечественной социологии. Показано, как провозглашение политического курса на гласность, ускорение, а затем и перестройку сказалось на изменении содержания и тональности исследований молодежного вопроса. Мнения о молодежи перестают звучать в едином ключе, дифференцируются и множатся. Наш анализ строится на выявлении степени приверженности авторов или их отхода от советских образов теоретизирования. Обращается внимание на то, как произошел распад триединства между идеологическим теоретизированием, государственной молодежной политикой и собственно молодежной практикой. В академических подходах этого периода выделяется три «волны».

Первая была связана с реакцией на новые политические установки, что выразилось в смешении противоположных представлений: советского и «нового» (показательна работа «Социализм и молодежь» / Под ред. И.М. Ильинского, 1988). Кроме «западного влияния» и «отдельных отклонений, связанных с проблемами комсомольской работы», появляется описание молодежных проблем, связанных с необходимостью преодоления «наследия застойного периода» в обновляющемся обществе.

Вторая волна была связана с осмыслением новых молодежных практик - неформальными молодежными объединениями, обсуждением новых молодежных тем в печати, научной и популярной литературе «в духе перестройки», появлением статей про металлистов, панков, рокеров, волнистов, религиозные группы и т.д. Научно-исследовательский Центр ВКШ, а также Институт социологии РАН публикует много работ, посвященных неформальным молодежным объединениям. Некоторые из них (конца 80-х начала 90-х) отразили наметившийся перелом в теоретизировании молодежного вопроса в отечественной социологии, в частности выпущенный под эгидой ИСИ РАН сборник «Молодежь: актуальные проблемы социального развития. Сборник научных трудов советских и чехословацких социологов», 1988. Появились предпосылки кардинального пересмотра концепции молодежи («Социальное развитие советской молодежи: показатели и тенденции. Программа социологического исследования. Выпуск 1. – М.: Институт социологии АН СССР, 1989). Предлагается многоуровневый анализ самых разных молодежных практик того периода, а в сборнике того же института: «Молодежь России на рубеже 90-х годов (1992) - очевидный отход от рассмотрения молодежных девиаций как следствия «дурного влияния Запада» (А. Кабатек, Ю. Качанов И.

Лаумянскайте, С. Митрохин, В. Писарева, В. Семенова, М. Топалов), причем в него включены и работы западных авторов.

К этому же времени относится формирование *третьей волны*: полемика о молодежи как «социальной проблеме».

Предлагается гипотеза о том, что отечественный опыт проблематизации молодежи не является неким повторением или калькированием западных образцов, а своеобразным продолжением поздних советских исследований.

Работы этого периода (А. Запесоцкий, Ю.А Зубок, И.М Ильинский, В.Т Лисовский, Б.А. Ручкин, В.И. Чупров и др.), развивая новые подходы, часто обращаются к западному академическому опыту, тем более что западные ученые и центры стали активно привлекать к своим исследованиям российских социологов.

Приоритеты фондов и собственные исследовательские интересы западных коллег начали активно влиять на реструктурирование тематики исследований. Проблематизация молодежи, преимущественный акцент на девиантных активностях и типах идентичностей, ставшие приметой многих работ этого периода, связаны с этой новой политикой. Работы обобщающего характера опираются в основном на данные массовых опросов и статистику. Делается вывод о том, что проблематизация, как принцип теоретического осмысления эмпирических материалов, характерна преимущественно для работы с количественными данными. Различия между названными подходами связаны не только с мерой воспроизведения западных теорий или возврата к советской научной лексике долженствования, но и широтой задач, которые ставятся исследователями. Растет интерес и к качественной методологии.

Общие выводы:

Среди основных черт современного этапа конструирования молодежного вопроса можно выделить:

(а). Отсутствие очевидных, борющихся или солидаризирующихся друг с другом исследовательских позиций, данный этап определяется как «ситуация поиска».

(б). Поверхностные и обобщающие характеристики молодежных идентичностей, игнорирование реального многообразия и многоголосия современных молодежных практик.

(в). Сохраняющееся представление о молодежи как социальной функции или коллективном субъекте, обязанном выполнить некий долг перед обществом.

Одни исследователи продолжают работать в рамках советских традиций идеологизированной науки, адаптированной к новым условиям. Другие используют структурно-функционалистский научный аппарат. В результате молодежь вольно или невольно унифицируется и превращается в функцию трансформирующегося общества. Третьи начинают исследовать отдельные молодежные феномены, обходя вопросы «больших теорий». В заключении делается вывод о том, что подобный теоретический дефицит характерен не только для отечественной социологии молодежи.

Вторая глава - «Концептуализации молодежи в западной научной традиции».

В первом разделе рассматриваются ключевые идеи о молодежи «как проблеме»: молодежь представляется унитарной категорией; молодость считается особой ступенью в развитии личности; переход от детской зависимости к взрослой автономии включает в себя фазу «бунтарства», которая как часть культурной традиции передается от одного поколения к другому; применительно к современной молодежи он осложнен новыми условиями взросления, которые описываются с помощью понятий «трансформация», «модернизация» и «постфордизм».

Классическими считаются теории С. Холла, К. Маннгейма и Т. Парсонса. Открытие феномена подростковости приписывается американскому психологу Г. Ст. Холлу. В своей работе «Психология подростковости» автор доказывал, что развитие индивида повторяет развитие общества, оба процесса являются эволюцией из состояния примитивной дикости к цивилизованной зрелости⁵.

Вторым конструктом, связанным с биополитическим прочтением «молодежи как проблемы», является концепция «поколения», (К. Маннгейм). Оно интерпретируется как формируемое под влиянием исторически сложившихся обстоятельств. Особая роль отводится поколенческому сознанию, которое в периоды резких социальных изменений или нестабильности помогает отделить друг от друга значимые культурные символы. Поколения, следуя трактовке Маннгейма, - это социальные группы, которые идентифицируют себя в роли активно причастных к движению истории⁶.

Понятие «молодежь» входит в научный обиход вместе с понятием «молодежная культура» (Т. Парсонс), о чем говорилось выше. Молодежный вопрос рассматривается в терминах специфических структурных напряжений, возникающих в переходе от традиционного к современному обществу⁷. Подростковость – период «структурированной безответственности», «мораторий» между детством и взрослостью. В развитие этих идей Ш. Айзенштадт утверждал, что разрыв в постепенности способствует формированию новой структурной позиции молодых людей, что ведет к возникновению новых социальных институтов, призванных «обслуживать» их социализацию. Одним из них становится молодежная культура. Серьезным вкладом в социологию молодежи стало введение Айзенштадтом понятия «групп сверстников» (peer groups)⁸. Они контролируют движение от частных ценностей к общим, поддерживают первые шаги молодых людей вне семьи, знакомят их с другими возможными путями в жизни, помогают социальной идентификации.

Последующее развитие западных молодежных исследований привели ученых к необходимости серьезной критики этих моделей молодежи, подростковости и молодежной культуры. В фокусе критики оказались «гендерная слепота», этногеографический и исторический центризм этих конструктов.

⁵ Hall 1905, 1994.

⁶ Mannheim 1972

⁷ Parsons 1942, 1963

⁸ Eisenstadt 1956

В данном разделе рассматриваются также психоаналитические подходы к молодежному вопросу, в которых особое внимание уделялось формированию подростковой сексуальности⁹. Заслугой психоанализа была популяризация и нормализация понятия подросткового «шторма и натиска», «кризиса идентичности» по Э. Эриксону. В работах В. Райха, австрийского психолога и социального мыслителя, предпринята попытка соединить психоанализ с марксизмом. Он доказывал, что освобожденная от морального стеснения и материального принуждения либидозная энергия станет гармоничной частью борьбы за строительство жизнеутверждающей культуры, поможет вырваться из пут буржуазной морали. Более усложненный вариант фрейд-марксистского взгляда на подростковость и молодость развивался в рамках Франкфуртской школы, труды представителей которой не были связаны напрямую с молодежным вопросом, однако оказали большое влияние на его более глубокое понимание. В фокусе их исследовательских интересов были новые социальные и культурные формы трансформаций при переходе от смены «раннего» капитализма к «позднему» и изменяющиеся модели семейных авторитетов. Предвестниками новой цивилизации Г. Маркузе считал движение хиппи¹⁰.

Однако «гибридные» концепции, соединявшие психоанализ с марксизмом, не привели к более адекватному пониманию молодежного вопроса, невнимание к фактам рождения, пубертатности, взросления и смерти, к специфике семейных форм воспроизводства привели авторов этих теорий к поверхностному взгляду на молодежь.

Второй раздел главы посвящен анализу истории представлений о молодежной девиантности. Этот образ и концепт («фрейм») остается преобладающим как в западной, так и отечественной постперестроечной социологии. Криминально-паническая проблематизация молодежи сформировалась, по мнению английской исследовательницы К. Гриффин, в виде отдельного течения академической мысли к концу XIX века¹¹. Молодежь «появилась» на улицах растущих индустриальных городов Европы, «требуя» отдельного, внесемейного, соседского и общинного контроля. Паники относительно «опасных классов» привели к изменениям судебной системы западных обществ и порядка судебного надзора за подростками. Для многих ученых «обнаружение» молодежи и явилось стимулом ее изучения. Факт рождения социологии молодежи самым непосредственным образом связан с анализом и интерпретациями феномена молодежных группировок. Особая роль в фокусировании внимания на молодежную девиантность принадлежит Чикагской школе, функционализму и теориям раннего распознавания преступника. Чикагские социологи изучали образ жизни группировок из городских трущоб, механизмы наследования норм и ценностей этой культуры¹². Центральным понятием в объяснении молодежной девиации была утрата молодежью социальных норм и

⁹ Фрейд З. 1989; Фрейд А. 1993; Kaplan 1986.

¹⁰ Маркузе 1989; Давыдов 1975

¹¹ Гриффин 2000

¹² Самые известные социологические работы по изучению группировок - это «The Gangs» Ф. Трэшера (Thrasher 1927) и «Street Corner Society» В. Уайта (White 1943, 1961).

использование конструкта «естественного мира». Функционалисты обратилась к понятию «аномии» в интерпретации Р. Мертона, который рассматривал девиантное поведение как следствие разрыва между притязаниями личности и наличными возможностями для их реализации. Поэтому девиантное поведение наиболее характерно для молодежи бедных кварталов больших городов¹³. Другой подход связан с работами позитивистских криминологов, в которых правонарушения описывались как продукт влияния преступно-ориентированных родителей.

К. Гриффин предложила классификацию концепций девиантности/ делинквентности, как клинических (подлежащих разным видам лечения), возражая против теории ярлыков. Не менее распространенной была идея «потребительских девиаций» (сексуальных, особенно проституция).

Далее в этом разделе рассматриваются социологические конструкты девиантности и молодежной преступности. Преступники умышленно переворачивают доминирующие в обществе социальные ценности, которые ограничивают их возможности¹⁴. Преступность включает в себя некие «неуместные, несоответствующие выражения», которые разделяются всеми без исключения (в обществе в целом), но существуют как скрытые социальные ценности¹⁵.

В английской социологии молодежи была предложена теория «транзакционизма» с акцентом на моральные паники. Смысл этого подхода в том, что девиантное поведение не есть некая психологическая предрасположенность отдельных индивидов, а процесс «обучающей» социализации. Публичная вербализация «девиантности» группы оказывается решающей в завершении процесса самоидентификации¹⁶. Основной вывод теории - важно исследовать специфику реакций взрослых, поскольку навешивание ярлыков способно интенсифицировать «девиантность». Вплоть до этого времени молодежные исследования практически не включали в сферу своего внимания «другую» молодежь, в частности, женщин, представителей других рас и других континентов. Это упущение привело, по мнению Ф. Коена, к «великому моральному разграничению», просуществовавшему в западной социологии молодежи вплоть до конца 60-х годов. Молодежь была поделена на «добропорядочных молодых граждан» и на «вредный для общества балласт».

Третий раздел главы посвящен рассмотрению основных субкультурных конструктов молодежной активности. Ключевыми понятиями американских подходов был «молодежный мятеж», английских - «символическое сопротивление», «моральные паники», «медиа - конструирование». Контркультурные конструкты в большей степени нашли отражение в философской литературе и получили широчайший резонанс в художественном творчестве (рок-

¹³ Мертон 1992

¹⁴ A.Cohen 1955

¹⁵ Matza 1969

¹⁶ В этом ключе написана знаменитая работа С. Коена «Народные бесы и моральные паники» (Cohen S. 1987).

музыке, культуре хиппи и их многочисленных последователей), тогда как субкультуры исследовались и описывались, прежде всего, в рамках социологических и культурологических исследований.

Господствующей идеей понимания молодежной культуры в американской традиции была «идея мятежности»¹⁷. В центре внимания теоретических дискуссий и исследований в Великобритании оказались особенности молодежных культур, отражавших изменения в послевоенной классовой структуре. Стилистическое разнообразие молодежных сцен того периода объяснялось разрывом преемственности в воспроизводстве классовых культур. Большое значение придавалось раскодированию смыслов различных стилей одежды, музыки, территориальности и других языков взаимодействия внутри групп сверстников¹⁸. Субкультурный подход разрушает представление о некоторой единой «молодежной культуре». Понятие субкультуры помогает конструировать альтернативную социальную реальность, которая поддерживается не только группой близких приверженцев, но и символической солидарностью, преодолевая любые расстояния, национальные и культурные ограничения.

Субкультурный подход был критически осмыслен. Молодежные группы не полностью вписывались в эту модель, поскольку продолжали зависеть от своей классовой принадлежности и от доминирующих в обществе институтов семьи, школы и места работы; их культурные стили оставались чертами их досуговой активности.

Далее в разделе рассматривается феминистская критика «гендерной слепоты» субкультурных конструктов. Сторонники феминистского подхода главным недостатком субкультурных теорий считали полное игнорирование участия девушек в субкультурах. «Маскулинность» мальчиков бралась за основу, «сопротивление» определялось исключительно в терминах класса и расы, при этом не обсуждалось доминирование особых сексуальных норм (например, гейская и лесбийская субкультуры)¹⁹. Помимо «гендерной слепоты» и этноцентризма субкультурные теории были уязвимы и в понимании молодежного вопроса в целом. Сложилась специфическая ситуация, когда молодежь, не вовлеченная ни в какие эпатажные активности, просто перестала интересовать социологов.

В четвертой части главы рассматриваются концепции, опирающиеся на совмещение культурной и структурной парадигм. В публикациях последних лет можно встретить понятие «смерти субкультур»²⁰. С. Редхэд предлагает заменить «классовый» термин «субкультура» на «клубкультура»²¹. Серьезный вклад в развитие дискуссии о глобально-локальном измерении современных молодежных сцен внесли работы Х. Пилкингтон²². Благодаря дискуссии о глобализации и

¹⁷ Брейк 2000

¹⁸ Hall & Jefferson 1976

¹⁹ МакРобби 2000

²⁰ Muggleton 2000

²¹ Redhead 1997; Featherstone 1998

²² Pilkington et al 2002; Pilkington & Jonson 2003

культуре, исследователи стали изучать «периферийную» молодежь²³. Ключевые вопросы затрагивали особую чувствительность молодежи к глобальной культуре. Важно было понять, насколько глобальные культурные продукты и рекламные бренды сказываются на формировании нового типа молодежного культурного «мейнстрима». Чтобы понять особенность «локальности», западные ученые все чаще начинают обращаться к идеям своих коллег из (географически) *незападных* и *несеверных* стран. Молодежные культурные исследования обогащаются междисциплинарными проектами.

К основным идеям этого новейшего направления следует отнести: отход от западоцентризма, акцент на выборе жизненной стилистики и на индивидуализме в описании идентичностей; относительное пренебрежение социальными различиями, включая классовые, национальные и статусные. Были предложены новые понятийные конструкции: жизненные стили и «новые племена» (*neo-tribes*)²⁴. Главным в этих типах групп считается возможность тактильного влияния членов группы друг на друга, а центральными понятиями новых подходов остаются «индивидуализм», «потребление» и «риск». Практически все исследователи, принадлежащие к «новой» волне, единодушны в том, что молодежь привилегированного или среднего класса является самой активной в потреблении глобальной культурной продукции.

Исследования, проведенные в России, показывают, что, например, тот или иной музыкальный жанр или стиль могут восприниматься молодежью как альтернативный, так и в качестве «нормального»²⁵.

Общие выводы из главы:

(а). Несмотря на серьезную критику в рамках западных традиций биополитических и исторических понятий «подростковости», «пубертатности», «поколенческого сознания», большую часть XX века социологи подходили к определению сущности «молодежного вопроса» в контексте ее «природной», «естественной» девиантности;

(б). Основными теоретическими рамками конструкторов молодежной девиантности/ делинквентности оставались субкультурные теории и структурные концепции «транзиции», в результате чего так называемый молодежный мейнстрим («нормальная» молодежь) оказался вне научного интереса;

(с). Большая часть исследований молодежной активности акцентировалась исключительно на подростках и молодежи мужского пола, девочки и молодые женщины долгое время оставались «невидимыми». Гендерная слепота, этно и евроцентризм, а также рамки классовой теории марксизма явились ключевыми факторами кризиса субкультурных и структурных конструкторов «молодежного вопроса»;

(д). Современную повестку дня «молодежного вопроса» в западной социологии молодежи отличает повышенное внимание к формированию новых форм молодежных идентичностей и практик, развивающихся в контексте глобально-

²³ Tomlinson 1999

²⁴ Bennett 1999a; Hetherington 1998; Malbon 1999; Muggleton 2000

²⁵ Pilkington, Omelchenko et al 2002

локальных культурных взаимодействий.

В общем заключении по первой части диссертации обращается внимание на особенности влияния западных концепций на отечественную социологию молодежи в условиях трансформации общественных структур и отношений. Отмечается, что если для западных ученых наиболее актуально критическое осмысление проблемных конструктов «молодежного вопроса», то в российской социологии молодежи они начинают активно разрабатываться, что может быть расценено как кризисное состояние научной отрасли. Основным недостатком обеих научных традиций признается недостаточное внимание ученых к изучению молодежной повседневности и особенностям формирования различных молодежных идентичностей в условиях расширения информационного пространства, усложнения характера взаимодействия глобальных и локальных культурных потоков, а также фрагментации, субъективации и виртуализации социальной реальности, стимулирующих развитие индивидуальных стилевых стратегий, новых техник выживания в меняющихся обстоятельствах жизни, расширении пространства «молодости» за счет использования ее символики.

Вторая часть диссертации - *«Переход от молодежного вопроса к анализу молодежной повседневности»* - посвящена рассмотрению теоретико-методологических основ анализа жизненно-стилевых стратегий молодежи на основе данных наших исследований.

В третьей главе - *«Теоретико-методологические основы анализа жизненно-стилевых стратегий молодежи»* - формулируются исходные посылки авторской концепции жизненно-стилевых стратегий.

В первом разделе в центре внимания - вопрос о причинах устойчивости проблематизации молодежи как социально-поколенческой группы и минимуме интереса к молодежной повседневности. Отмечается, что преимущественное внимание исследователей обращается к группами, выпадающим из общей «нормативности»: субкультурной молодежи - эпатажной, яркой, экстремистски ориентированной; и маргинальной - депривированной, неблагополучной, из так называемых «групп риска». Эти исследовательские ориентации редко пересекаются. Однако вхождение в общество, формирование личной, социальной и культурной идентичности происходит не только в рамках групповой активности. Для всех молодых юношей и девушек самым важным остается повседневная рутина семейного, учебного, рабочего или другого жизненного графика. Доминирование первого подхода ведет к фрагментации молодежной субъектности и препятствует пониманию целостной природы молодости. Расширение реального и символического пространства молодости ведет к расширению понятия молодежи за счет увеличения времени на образование, переноса на будущее начала работы и самостоятельной жизни, более раннего включения в молодежные культуры и более позднего выхода из них. Исследователи, прежде всего, интересуются теми феноменами, которые уже являются проблемой, а также теми сторонами жизни, которые важны при понимании молодежи как социально-экономического ресурса.

Что касается отечественных исследований, то пока социализм пытались построить в отдельно взятой стране, а затем в отдельно взятом социалистическом

лагере, молодежь можно было территориально и культурно (а иногда и физически) изолировать от «другой» молодежи, выхватить ее из общего возрастного потока, при этом ее мятежность, энергия и «разрушительная» сила направлялись в русло решения политических задач. Вслед за ослаблением политического контроля начали появляться «обычные» молодежные проблемы - неформальная активность, неконтролируемый досуг, обеднение нравственного и духовного потенциала, «потребительство» и склонность к «вещизму». Они давали основания для укрепления привычного взгляда на молодежь сквозь призму ее девиантности.

Западный академический опыт лишь отчасти может помочь справиться с затруднениями в разработке адекватной теории молодежного вопроса в условиях общесистемной трансформации. Его нельзя полностью применить к анализу российской молодежи, что связано со спецификой западной культуры и социальных институтов, с характерными для этих обществ чертами устойчивого плюрализма и индивидуализма, конкурентных ориентаций и т.д. В наше время государство активно участвует в формировании социального статуса молодых через приоритеты образовательной политики, поддержки индивидуального предпринимательства. Происходят заметные изменения в интерпретации понятий «полная занятость», женская и мужская работа. Так называемая «феминизации мужского труда» означает, что все больше мужчин начинают разделять условия неполного рабочего дня, временной работы, что обычно характеризовало «женский» тип занятости. Вместе с кризисом в тяжелой индустрии и ростом сферы обслуживания разделение труда по полу уже не столь прямо определяется различиями самого рабочего процесса. Сегодняшние молодые люди, как и взрослые, могут находиться в постоянном движении от получения полного образования к частичной занятости с периодами учебы и профессионального тренинга. Многие молодые люди переходят от одной схемы к другой, без прикрепления к какому-то одному месту полной и «застрахованной» занятости. Значимым пространством формирования идентичности современной молодежи остается потребление и досуговые практики, тогда как профессиональная ориентация может и не играть ключевой роли. Однако стилевые идентичности тяжело поддерживать без регулярного дохода, поэтому работу и досуг все труднее развести не только во временном графике жизни, но и по их вкладу в формирование общей жизненно-стилевой стратегии.

В современном российском обществе ни одна из связанных друг с другом цепочек статусов не может служить социальной гарантией нормальной социализации. Новые феномены и противоречия послужили толчком к разработке нами стилового подхода к анализу трудовых стратегий. Этот подход заключается в том, что молодые люди не являются унитарной социальной категорией, само понятие «молодежь» подлежит деконструкции. Молодежный вопрос не связан с онтологическим статусом подростковости как остановки на полпути между абсолютной инфантильной зависимостью и абсолютной автономией от взрослости. Выделение особого молодежного вопроса связано не с возрастом или переходным статусом молодости, а с вынужденной автономией молодежи от политической, экономической и идеологической структур современного общества. Внутри каждой из них молодежный вопрос формулируется по-своему. Различия в его

формулировке могут зависеть от *места*, по отношению к которому используется категория «молодежь», например, рынок труда, популярная или альтернативная культура, законодательство, семья, государственная система образования и др.; от *временных параметров* активности, например, рабочее и свободное от работы время будет зависеть от того, какую группу молодежи мы будем изучать (студентов, рабочих, служащих офисов, безработных или «профессионалов»). Взаимопроникновение или оппозиция рабочего и свободного времени проявляется в их повседневных практиках по-разному. Если не учитывать контекстуальность этих взаимосвязанных понятий, то материалы исследований бюджетов времени и графиков жизни с использованием общих понятий «рабочее и свободное время» мало что дают для понимания разности молодежных жизней. Молодежные активности не существуют сами по себе, они всегда «где-то происходят» и «длятся внутри какого-то времени», будучи включенными в большую или меньшую структурную детерминированность в зависимости от социального статуса, гендера, этничности и территории.

Молодежный вопрос в этом контексте есть набор особенных и отдельно связанных друг с другом противоречий, характерных для каждого из трех измерений: места, времени и характера действий в рамках определенных социальных структур и особенностей культуры.

Второй раздел главы («Стилевые стратегии молодежи в контексте фрагментации социального пространства, рисков, глобализации и индивидуализации») посвящен анализу концептуальных основ жизненно-стилевого анализа молодежной повседневности.

Подход, опирающийся на анализ жизненно-стилевых стратегий, представляется более мягким и реагирующим на многие тонкости формирования индивидуальных и групповых молодежных идентичностей. Основной акцент делается на характере использования стилиевых ресурсов, доступных различным молодежным группам и индивидам. Анализ молодежной повседневности с использованием понятия «стилевая стратегия» предполагает целостный взгляд на молодежную жизнь, в которой, вне зависимости от культурной или структурной сферы, реализуются некие общие, значимые для индивида или группы «императивы бытия». Понятие стратегии позволяет подчеркнуть активный характер использования стиля жизни как социального ресурса. Стилевая стратегия охватывает множественность современных стилей жизни и вариативность формирования индивидуальных и групповых комбинаций их использования. Понятие стилиевой стратегии как серии последовательных индивидуальных, рефлексивных решений напрямую связано с процессом взросления, стиль становится ценностным «посредником» в преодолении структурных барьеров неравенства - статусных, гендерных, территориальных.

Методологически включение исследователя в молодежную повседневность является необходимым условием работы в рамках этого подхода, помогает понять, как сами молодые люди и девушки ежедневно решают возникающие перед ними проблемы.

В качестве исходных теоретических предпосылок стилиевого анализа выступили работы К. Маркса, М. Вебера, Э. Гидденса, У. Бека и др. К. Маркс и М. Вебер не

использовали термин стиль жизни как основное понятие. Стиль жизни рассматривался ими как форма выражения классово-стратифицированных статусных групп, он не играл ключевой роли, а оказывался производным от классовой позиции.

До 80-х годов прошлого века стиль жизни ассоциировался исключительно с рекламой и маркетингом. Вместе с расширением пространства досуга и уменьшением влияния работы на формирование личности стилевые конструкты начинают переживать своеобразный ренессанс. Следуя теории структуризации Э. Гидденса, социальные структуры являются и условиями, и последствиями социального взаимодействия²⁶. Ученый обратил внимание на то, что социологам свойственно преувеличивать принудительную природу структур, тогда как именно они содержат ресурсы, которые используются акторами в создании и воспроизводстве общества в их повседневных действиях. П. Бурдьё рассматривал стили жизни в качестве систематичного продукта габитуса, то есть отрефлектированных ежедневных привычек. Стиль жизни помогает понять, что лежит в основе организации ежедневной жизни человека, он играет активную роль в формировании социальных иерархий, поскольку в нем находит отражение доступность культурного и экономического капитала.

Основная критика понятия стиля жизни связана с тем, что он излишне контекстуален, и поэтому трудно определить, что заключают в себе стили жизни молодежи, которые могут быть проанализированы только посредством тех значений, которые в них вкладывают сами молодые люди.

Современная молодежь является наиболее активным агентом потребления, используя предложения потребительского рынка, который предоставляет максимальные возможности для самоконструирования, однако современные потребительские стили уже не настолько прикреплены к определенным статусам, как это было в прошлом, и не могут служить достоверным источником его распознавания, как полагал М. Вебер. Статус, потребление и стили жизни тесно связаны, но потребление - это лишь визитная карточка, демонстрация «членства» в той или иной социальной группе.

Теоретическими основаниями для развития стилевого анализа молодежной повседневности стали идеи постмодернистской фрагментации социального пространства, риска, глобализации и индивидуализации. В интерпретации сущности постмодерности выделяется два подхода. Одни авторы считают, что современное развитие обществ демонстрирует эпохальный сдвиг от модерна в новую фазу, другие – подчеркивают, что происходящие перемены суть продолжение тенденций общества модерна. При первом подходе современность нельзя анализировать под углом зрения идеологии прогресса, поскольку «правильное» и прогрессивное развитие невозможно в мире, в котором «нет реальности», а есть только ее репрезентации: мир - гетерогенен, общество - эклектично, постмодернистский стиль - выражение утраты содержания. Социальные изменения в этом подходе ассоциируются с ростом потребительской культуры и последствиями глобализации. Так, например, Ж. Бодрийяр пишет, что

²⁶ Giddens 1976

жизнь становится похожа на меню, из которого индивид просто выбирает то, что ему нравится, и решает, в каком направлении ему хочется двигаться²⁷. Другие теоретики, например Ф. Джеймсон, рассматривают постмодернизм в качестве стадии мультинационального капитализма. Несмотря на то, что постмодернистская культура выглядит фрагментированной и эклектичной, люди потребляют то же самое, что и прежде, более или менее теми же способами²⁸. Высказываются идеи и о том, что постмодерн репрезентирует хаотическую культуру противоречий, где капитализм выглядит обществом благополучия, тогда как в действительности жизнь становится все тяжелее.

Потеря субкультурной аутентичной стилистики не означает ограниченность ресурсов у современной молодежи. Благодаря ресурсам глобальной культуры, современная молодежь получает значительные преимущества и наделяется определенной властью, которая формирует иллюзию контроля над своей биографией. Но эти преимущества могут рассматриваться, с одной стороны, как новые способы стандартизации молодежного опыта, с другой - далеко не все молодые люди могут пользоваться высокими технологиями, в то время как масс-медиа, особенно молодежное телевидение, подталкивает молодых ребят и девушек к пониманию того, что цифровой мир является необходимым и обязательным атрибутом молодого «тела».

Огромное влияние на современные интерпретации молодежных идентичностей оказали концепции риска и, прежде всего, работы трех авторов – М. Дуглас, У. Бека и Э. Гидденса²⁹.

В концепции У. Бека риск ассоциируется с индивидуализацией, которая стимулируется разрушением института семьи, высоким уровнем стандартизации жизни в результате проникновения рыночных отношений во все сферы, возрастающей зависимостью от доступности рынков труда, образования и здравоохранения. Особую роль в структурировании опыта повседневности играет массовый рынок и массовое потребление, что особенно заметно при анализе стандартизированных конструкций жизненных стилей, при этом рынок контролирует стандартизацию жизни и управляет рисками. Особенность заключается в том, что сам индивид не воспринимает свою социальную жизнь в качестве детерминированной социальными институтами, индивидуализированные стратегии жизни становятся своеобразными техниками выживания в мире.

Ключевой характеристикой общества «высокой современности» Э. Гидденс считает порождаемое в индивиде чувство неопределенности. Для него общество риска - это атмосфера сомнений и беспокойства, риск формирует «культуру страха». В этом контексте отдельные жизненные стилиевые выборы имеют смысл минимизации беспокойства.

Понять формирование современных молодежных стилей жизни невозможно вне влияния на них процессов глобализации, которая активно включается в их

²⁷ Baudrillard 1988

²⁸ Jameson 1984

²⁹ Douglas 1992, Beck 1992, Giddens 1991

повседневность. Современная молодежь социализируется в свете глобального знания, глобальных достижений и глобальных имиджей. Глобализация порождает новый тип социальной дифференциации - между теми, кто хорошо знаком с технологическими новшествами, и кто нет. Но и те, кто не имеет прямого доступа к мультикультурному «банку информации», в той или иной степени оказываются вовлеченными в новое пространство. Однако глобализация вовсе не обязательно приводит к стандартизации и массовизации культуры, глобальные смыслы потребления могут использоваться для утверждения своей силы и власти в локальном контексте³⁰.

Индивидуализация как ключевая характеристика жизненных молодежных стратегий не тождественна индивидуализму, который интерпретируется как эгоизм и полная концентрация на собственном «Я». Понятие индивидуализации означает преимущественную ориентацию на собственные силы, стремление к получению разнообразного личного жизненного опыта, понимание личных достижений как результата собственных усилий. В современных условиях ни компании, ни социальные институты не позволяют молодежи в полной мере обрести аутентичность, принципиально важным для современного молодого человека или девушки становится наличие собственного, приватного и защищенного личного пространства, так, например, своя комната превращается в очень важную арену индивидуальной аутентичной стилистики.

Значительная роль в «детерриторизации» молодежи и в активном конструировании глобальных стилей, основанных на музыке и моде, принадлежит масс-медиа. Парадоксальность мира «постоянства неопределенности» заключается в том, что он предлагает очень большой выбор возможностей, однако большинство российской молодежи оказывается на самом краю этого разнообразия, без защиты и страховки. В этой ситуации самым большим их «преимуществом» становится свободный доступ к продуктам массовой потребительской культуры. Репрезентация молодежи в медиа отличается крайней противоречивостью. Молодежь представляется как символ, жертва общества и как угроза для него, при этом молодежные стили становятся брендами. Сама молодежь по-разному использует медиа, в части своих пристрастий она может быть намного ближе к взрослым аудиториям или использовать медиа-предложения адаптивно, поэтому в характеристике взаимоотношений молодежи и медиа нужно отходить от представления об унифицированных аудиториях. Большое значение во взаимоотношениях современной молодежи и медиа имеет MTV. Этот интернациональный телевизионный бренд превратился в идеального культурного посредника, предлагающего глобальные культурные продукты и позиционирующего их внутри сформированной дружеской атмосферы и хорошего настроения. Западные ученые для иллюстрации тезиса о мозаичности современной молодежной культуры, фрагментарности идентичности и исчезновении

³⁰ Pilkington, Omelchenko et al. 2002

классических молодежных субкультур используют анализ рейв-культуры³¹, которая описывается в контексте гедонизма, культа настоящего и растворения молодежи в доминирующей культуре. Культуру рейва, по сравнению с субкультурными объединениями молодежи 60-х, называют формой «коллективного исчезновения» и даже «смертью молодежной культуры»³². Анализ рейв-культуры помогает понять особенности приобщения молодежи к коммерческой поп-культуре, когда активная институциализация молодежного досуга влияет на перерождение молодежной культуры в коммерческую форму.

В третьем разделе главы («Современные молодежные стили жизни: между рынком и свободой») рассматриваются особенности позиционирования современной молодежи в пространстве новых потребительских предложений и возможностей.

Разнообразные формы прямого и символического потребления (например, шопинг-культура) помогает молодым интерпретировать то, кем они являются; доступ к потребительскому рынку связывает их с возможностью испытать новую свободу, независимость и сделать свой выбор. Однако есть разница между теми, кто может потреблять, и теми, кто только мечтает о потреблении, во многом это определяется классовой принадлежностью, гендером, этничностью, сексуальной ориентацией, географической локацией, и, например, наличием физических ограничений. С учетом этих различий молодежное потребление подчас может выглядеть не как сплошное удовольствие, а как источник болезней и психических расстройств. Для многих молодых потребителей гедонизм превращается в войну за то, чтобы, поддерживая определенный стиль, остаться в ряду сверстников и не стать аутсайдером. Эта потребительская «борьба» болезненна для большинства российской молодежи, растущей в бедных, депривированных и просто не очень состоятельных семьях.

Анализ жизненно-стилевых стратегий молодежи позволяет увидеть, что за похожими практиками могут скрываться различные смыслы, в которых отражается значимая для каждого индивида или группы стилевая стратегия. То, к чему

³¹ *Рейв-культура* оформилась вокруг музыки рейва, ставшей популярной в Англии в конце 80-х, огромное влияние на развитие направления оказали технические достижения, негритянские традиции рэпа и диск-жокейские практики брейка, которые переросли в широкую, влиятельную техно-культуру перенаселенных мегаполисов. Для нее характерен культ анонимности и обезличивания. Благодаря использованию технически совершенного музыкального оборудования практически любой мог создавать свою музыку. Культура рейва – это всеобщие бдения, культ экстази, пацифизм и унисекс. С ней связывают новые измерения клубных сцен. Первые рейв-вечеринки проходили в заброшенных амбарах, остановленных полуразрушенных заводах, на открытых пляжах. Постепенно рейв коммерциализировался, поэтому многими альтернативными молодыми стал расцениваться как разновидность техно-попсы. В новых коммерческих рейв-проектах может принимать участие до двадцати тысяч человек. Часть рейверов соединилась с «ню-эйдж», остальные превратились в клубных рейверов. Они стали доминирующей культурой, составив продвинутой частью молодежного мейнстрима.

³² Melucci 1993

стремятся молодые люди в потреблении, во взаимодействии с традиционными, электронными или цифровыми медиа, соотносится с тем, чего они хотят от своей жизни в целом. В досуговой активности, как и во всякой другой, проявляется их понимание смысла жизни, как желаемого, подходящего и доступного успеха и способов его достижения.

Интерпретации молодежного вопроса в зависимости от места, времени, смыслов действия и структурно-культурной локации молодежной группы и утверждение, что в различных повседневных практиках молодые люди следуют некоей выбираемой ими стилевой стратегии, не противоречат друг другу. Современные юноши и девушки не просто вписываются в тот или другой стиль жизни, - они творчески используют его ресурсы для социального самопозиционирования и продвижения. Характер использования этих ресурсов отличается гибкостью и мобильностью, но то, как это проявляется, во многом зависит от социокультурных характеристик позиций индивида или группы.

Субкультурные теоретики видели в эксцентричных видах молодежных активностей ритуальное сопротивление культурному доминированию буржуазных ценностей, полагая, что стилизация досуговой активности является лишь «магическим решением» проблем социального исключения и маргинализации. Современные молодые люди используют жизненно-стилевые стратегии для *реального* освобождения. Их интерпретации или пере-интерпретации привычных смыслов тех или других видов активности не являются только лишь символическим действием, этими смыслами наполняется их повседневность, благодаря которым, они реально отвоевывают себе собственные пространства.

Выводы по третьей главе

(а). Интерпретации проблем молодежи в зависимости от места, времени, действия и структурно-культурной локации молодежной группы и утверждение, что в различных повседневных практиках молодые люди следуют некоей выбираемой ими стилевой стратегии, не противоречат друг другу.

(б). Современные юноши и девушки не просто вписываются в тот или другой стиль жизни, - они творчески используют его ресурсы для социального самопозиционирования и продвижения. Характер использования этих ресурсов отличается гибкостью и мобильностью, но то, как это проявляется, во многом зависит от социокультурных характеристик позиций индивида или группы.

(с). Современные молодые люди используют жизненно-стилевые стратегии для *реального* освобождения от структурных зависимостей. Их интерпретации или пере-интерпретации привычных смыслов тех или других видов активности не являются только лишь символическим действием, этими смыслами наполняется их повседневность, благодаря которым они реально отвоевывает себе собственные пространства.

Четвертая глава «Самопрезентации провинциальной молодежи и ее жизненные практики» посвящена анализу основных материалов исследований, проведенных НИЦ «Регион» под руководством автора. Основной акцент делается на том, каким образом жизненно-стилевой подход к анализу молодежной повседневности может быть воплощен в исследовательские технологии. Как было показано, современные

конструкты молодежного вопроса многообразны, но по-прежнему мало методологических и методических публикаций, посвященных тому, как собственно исследовать эти различия. С помощью каких исследовательских техник можно замерить изменения, происходящие в «языке» молодежных идентичностей под воздействием современных электронных технологий? Для понимания происходящих изменений нужно использовать в исследовательском процессе интерактивные приемы, стремиться привлекать ко всем этапам исследования самих молодых людей, заменяя тем самым объектно-субъектное, монологичное взаимодействие исследователя и исследуемых на диалог. Так, уже на этапе выбора темы исследования можно привлекать самих молодых людей к обсуждению и отбору таких формулировок, которые им близки. Найденные в процессе диалоговых коммуникаций темы исследований могут стать предметом коллективных дискуссий, семинаров и профессиональных тренингов. В ходе проведения глубинных интервью, дискуссий, этнографических наблюдений важно стремиться максимально использовать все возможные формы взаимодействия с молодежью, такие как: ведение аудио- и видео-дневников, фото- и картографирование, автобиографические сочинения, фантазии, рисунки, то есть практически реализовать диалогический и интерактивный подход к исследованию «вместе с молодыми».

Наш опыт убеждает в том, что, чем в большей степени удастся вовлечь в процесс исследования самих молодых людей, тем разнообразнее и интереснее получаемая информация.

Стилевой анализ жизненных стратегий молодежи осуществлен на примере исследований, посвященных выходу на региональный рынок труда молодых специалистов со средним специальным и высшим образованием, проблемам доступности высшего образования в России, а также особенностям культурных стратегий провинциальной молодежи.

Выводы по второй части

(а). Анализ молодежной повседневности с использованием понятия «стилевая стратегия» предполагает целостный взгляд на молодежную жизнь, в которой, вне зависимости от культурной или структурной сферы, реализуются некие общие, значимые для индивида или группы «императивы бытия».

(б). Понятие стратегии позволяет подчеркнуть активный характер использования стиля жизни как нового социального ресурса, помогающего преодолеть ограничения наличных статусов. В нем отражается характер принятия стиля жизни, а также гибкость и прозрачность стиливых границ, что оставляет возможность модификации или смены стратегии. Стилевая стратегия охватывает множественность современных стилей жизни и вариативность формирования индивидуальных и групповых комбинаций их использования.

(с). Методологически включение исследователя в молодежную повседневность является необходимым условием работы в рамках этого подхода, помогает понять,

как сами молодые люди и девушки ежедневно решают возникающие перед ними проблемы.

(д). Анализ жизненно-стилевых стратегий молодежи позволяет увидеть, что за похожими практиками могут скрываться различные смыслы. То, к чему стремятся молодые люди в потреблении, во взаимодействии с медиа, соотносится с тем, чего они хотят от своей жизни в целом. В досуговой активности, как и во всякой другой, проявляется их понимание смысла жизни, как желаемого, подходящего и доступного успеха и способов его достижения.

(е). Анализ основных материалов исследований современных молодежных практик демонстрирует преимущества жизненно-стилевого подхода для более глубокого понимания молодежной повседневности.

В **Заключении** обобщаются результаты теоретического и эмпирического описания различных культурных молодежных практик в рамках понятия жизненных стилей, подчеркивается эвристическая ценность выбранного подхода и указываются теоретические и практические перспективы его использования в рамках социологии молодежи.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора (в хронологическом порядке):

1. Омельченко Е., Пилкингтон Х. (1997) Зачем мне врать? Опыт применения глубинного интервью // Рубеж, № 10-11, с. 190-209 (личный вклад – 10 стр.)
2. Омельченко Е. (1996) С печалью я гляжу на наше поколение // Открытая политика, май-июнь, № 5-6, с. 36-38.
3. Omelchenko, E. (1996) Youth Women in Provincial Gang Culture: A Case Study of Ul'ianovsk, in H.Pilkington (ed.) Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia, Routledge, London, p. 216-235.
4. Омельченко Е. (1997) Что они здесь потеряли? Путешествие в детство или поездка за экзотикой // Российское сознание: психология, культура, политика. Материалы II международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем *4-6 июля 1997 г, Самара). – Самара: Изд-во СамГУ, с. 188-191.
5. Омельченко Е. (1998) Российская провинция и новый мировой порядок: культурные горизонты // Социальное знание: формации и интерпретации. Материалы международной научной конференции. Часть 2. – Казань, с. 11-27.
6. Омельченко Е. (1998) Социокультурные аспекты подростковой девиантности. (К вопросу о конструировании отношения к наркотикам в молодежной прессе) // Преступность как угроза национальной безопасности / Под ред. А.И. Чучаева. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, с. 257-274.
7. Омельченко Е. (1999) От секса к гендеру? Анализ дискурсов сексуальности в российских молодежных журналах // Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. И. Аристарховой. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, с. 77-115.

8. Омельченко Е. (1999) Новые измерения сексуального пространства: опыт анализа секс-дискусов молодежных российских журналов // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. Ч.1.- Казань: Терра-консалтинг, с. 69-83.
9. Omelchenko, E. (1999) From «machо to androgenous». Analysis of the discourse of sexuality in Russian youth magazines. The Journal of Communist Studies and Transition Politics. Special issue by C.Corrin, june, p. 34-67.
10. Omelchenko, E. (1999) New Dimensions of the Sexual Universe: Sexual Discourses in Russian Youth Magazines, in Chris Corrin (ed.) Gender and Identity in Central and Eastern Europe, Frank Cass, London, p. 99-133.
11. Подростки и наркотики. Опыт исследования проблемы в школах Ульяновска: социологический очерк (1999) / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: УлГУ, 118 с. (личный вклад – 55 стр.)
12. Omelchenko, E. (2000) My body, me friend? Provincial youth between the sexual and the gender revolutions, in Sarah Ashwin (ed.) Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia, Routledge, London, p. 137-167.
13. Омельченко Е. (2000) Тело – друг человека? Провинциальная молодежь после сексуальной и накануне гендерной революции // Рубеж, № 15, с. 141-167.
14. Омельченко Е. (2000) Молодежная культура и субкультура. Серия «Специализированные курсы в социологическом образовании». - Москва: Изд-во «Институт социологии РАН», 261 с.
15. Другое поле. Социологические практики (2000) / Под ред. Е. Омельченко, С. Перфильева. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 364 с. (личный вклад в редакцию – 210 стр.)
16. Омельченко Е., Флинн М. (2000) Где найти на карте мира страну по имени «Запад»? // Другое поле. Социологические практики / Под ред. Е. Омельченко, С. Перфильева. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», с. 29-52. (личный вклад – 11 стр.)
17. Омельченко Е. (2000) Гендерное измерение этнорелигиозного пространства: образы и практики бытового ислама // Другое поле. Социологические практики / Под ред. Е. Омельченко, С. Перфильева. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 213-234.
18. Омельченко Е. (2000) «Жертвы» и «насилыники». Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных теоретических дискурсов // Другое поле. Социологические практики. / Под ред. Е. Омельченко, С. Перфильева. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», с. 238-255.
19. Героинашеговремени. Социологические очерки (2000) / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 260 с.
20. Омельченко Е.Л. (2000) Социокультурный контекст молодежной наркотизации // Героинашеговремени. Социологические очерки (2000) / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», с. 21-35.

21. Омельченко Е.Л. (2000) Попробуй «зависнуть» и не привыкнуть. Реконструкция наркотических практик // Героинашеговремени. Социологические очерки (2000) / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», с. 99-132.
22. Омельченко Е.Л., Гончарова Н.В., Лукьянова Е.Л. (2001) Место Всероссийского централизованного тестирования в индивидуальных стратегиях абитуриентов: опыт исследования // Развитие системы тестирования в России. III Всероссийская научно-методическая конференция. Тезисы докладов. Москва, 22-23 ноября, Министерство образования РФ, с. 34-35. (личный вклад – 1 стр.)
23. Омельченко Е. (2001) Современная молодежь в контексте трансформации российского общества // Инновации в социальных науках: будущее исследований и преподавания / Тезисы. - Казань: Изд-во Терра-консалтинг, С. 97-99.
24. Омельченко Е.Л. (2002) Стилевые профили трудовых стратегий молодых специалистов и специалисток в фокусе гендерных различий // Социологические исследования, № 11, с. 36-48.
25. Омельченко Е.Л., Лукьянова Е.Л., Гончарова Н.В. (2003) Анализ доступности высшего образования для социально-уязвимых групп // Доступность высшего образования в России. – М.: Независимый институт социальной политики. с. 11-38. (личный вклад – 11 стр.)
26. Омельченко Е. (2002) В поисках гомофобии. Опыт исследования механизмов исключения «другой» сексуальности в провинциальной молодежной среде // В поисках сексуальности. Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. - СПб.: Изд-во «Д. Буланин», С. 469-508.
27. Омельченко Е. (2003) Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж, № 18, С. 142-161.
28. Омельченко Е., Лукьянова Е. (2004) Региональные образовательные сети в фокусе доступности высшего образования: новые исключения и новые возможности // Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С.В. Шишкин. – М.: Независимый институт социальной политики; Поматур, с. 242-286. (личный вклад – 24 стр.)
29. Омельченко Е. (2003) Такие похожие, такие разные: стилевые профили и гендерные различия трудовых стратегий молодых специалистов на рынке труда // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Сборник статей / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. - Самара: Изд-во «Самарский университет», с. 204-225.
30. Omelchenko, E., Sabirova, G. (2003) Practising Islam: rituals, ceremonies and the transmission of ethno-Islamic values, in Hilary Pilkington and Galina Yemelianova (ed.) Islam in Post-Soviet Russia Public and private faces. Routledge Curzon, London and New York, p. 183-209. (личный вклад – 14 стр.)
31. Omelchenko, E., Pilkington H., Sabirova, G. (2003) Islam in multi-ethnic society: identity and politics, in Hilary Pilkington and Galina Yemelianova (ed.) Islam in Post-Soviet Russia Public and private faces. Routledge Curzon, London and New York, p. 210-241. (личный вклад – 15 стр.)

32. Omelchenko, E., Sabirova, G. (2003) Gender discourses within Russian, in Hilary Pilkington and Galina Yemelianova (ed.) *Islam in Post-Soviet Russia Public and private faces*. Routledge Curzon, London and New York, p. 242-263. (личный вклад – 10 стр.)
33. Omelchenko, E., Sabirova, G. (2003) Gender discourses within Russian, in Hilary Pilkington and Galina Yemelianova (ed.) *Islam in Post-Soviet Russia Public and private faces*. Routledge Curzon, London and New York, p. 167-182. (личный вклад – 8 стр.)
34. Omelchenko E with H. Pilkington at al. (2002) *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. The Pennsylvania State University Press / University Park, Pennsylvania, USA, 299 p. (личный вклад в редакцию – 90 стр.)
35. Omelchenko, E, Bliudina, U. (2002) On the outside looking in? The place of youth in Russia's new media and information space, in Omelchenko E with H. Pilkington at al. (2002) *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. The Pennsylvania State University Press / University Park, Pennsylvania, USA, p. 21-49. (личный вклад – 15 стр.)
36. Omelchenko, E., Flynn, M. (2000) Through their own eyes: Young people's images of 'the West, in Omelchenko E with H. Pilkington at al. (2002) *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. The Pennsylvania State University Press / University Park, Pennsylvania, USA, p. 77-100. (личный вклад – 18 стр.)
37. Omelchenko, E., Pilkington H. (2000) Living with the West, in Omelchenko E with H. Pilkington at al. (2002) *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. The Pennsylvania State University Press / University Park, Pennsylvania, USA, p. 201-215. (личный вклад – 7 стр.)
38. Тринадцатый шаг. Опыт анализа антинаркотических региональных социальных политик (2002) / Под ред. Е. Омельченко. – Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, 260 с.
39. Омельченко Е. Tabula rasa или Terra inkognita. Инновации и традиции в антинаркотической деятельности (2002) // Тринадцатый шаг. Опыт анализа антинаркотических региональных социальных политик / Под ред. Е. Омельченко. – Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, с. 65-92.
40. Подростки и наркотики: опыт исследования (2003) / Под ред. Е. Омельченко. - Самара: «Учебная литература», 160 с. (личный вклад – 75 стр.)
41. Омельченко Е., Пилкингтон Х., Флинн М., Блюдиной У., Старковой Е. (2004) *Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры* / пер. с англ. О.Оберемко и У.Блюдиной. – СПб.: Алетейя, 278 с. (личный вклад в редакцию – 60 стр.).
42. Омельченко Е., Блюдина У. Новое информационное пространство для российской молодежи // Омельченко Е., Пилкингтон Х., Флинн М., Блюдиной У., Старковой Е. (2004) *Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры* / пер. с англ. О.Оберемко и У.Блюдиной. – СПб.: Алетейя, с. 39-67. (личный вклад – 15 стр.)
43. Омельченко Е., Флинн М. Образы Запада в сознании российской молодежи // Омельченко Е., Пилкингтон Х., Флинн М., Блюдиной У., Старковой Е. (2004) *Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры* / пер. с англ. О.Оберемко и У.Блюдиной. – СПб.: Алетейя, с. 95-117. (личный вклад – 14 стр.)

44. Омельченко Е., Пилкингтон Х. Бок о бок с Западом // Омельченко Е., Пилкингтон Х., Флинн М., Блюдиной У., Старковой Е. (2004) Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры / пер. с англ. О.Оберемко и У.Блюдиной. – СПб.: Алетейя, с. 225-239. (личный вклад – 7 стр.)
45. Омельченко Е. (2004) Молодежь. Открытый вопрос. - Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 184 с.
46. Омельченко Е. (2004) Культурные молодежные сцены России: между активностью и пассивностью / Правозащитное движение в России: Коллективный портрет. Сборник. – М.: ОГИ, С. 107-117.
47. Омельченко Е. (2004) Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария / ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация, № 2-3, С.74-87.
48. Омельченко Е. (2004) Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? / Неприкосновенный Запас. Дебаты о политике и культуре, № 36, С. 53-61.
49. Омельченко Е. (2004) Как измерить поверхность Земли, или к вопросу о техниках триангуляции // Полевая кухня: как провести исследование / Под ред. Н. Гончаровой. – Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», С.157- 173.
50. Омельченко Е. (2004) Половые и гендерные роли // Человек. Юношеская энциклопедия. - М: Издательство «Астрель», 0,5 п.л. (в печати)
51. Омельченко Е. (2004) Молодежная культура // Человек. Юношеская энциклопедия. - М: Издательство «Астрель», 0,5 п.л. (в печати).
52. Омельченко Е. (2005) Молодежь: кому принадлежит будущее // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Уч. пос. / Под ред. В.А. Ядова. – М: Изд-во «Флинта», Московский психолого-социальный институт, с. 421-472.
53. Omelchenko, E., Pilkington. H. (2005) Youth Activism in Russia, contribution to L.R. Sherrod, R. Kassimir, & C. Flanagan (eds.), Youth Activism: An International Encyclopedia, Volume I, Westport, CT: Greenwood Publishing Company 1,5 п.л., (in press). (личный вклад – 1 п.л.).
54. Омельченко Е. (2005) Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики, Том 3, № 1, 1,5 п.л. (в печати).